

Тако не
прощат

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВИ ВЕНТО

18+

Ви Венто

Такое не прощают

<https://litres.ru/74650003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Той ночью он кричал её имя под окнами пентхауса. Свет погас. Она так и не вышла.

Мама учила Веронику: ты достойна только принца.

Дубай. Семь лет. Снаружи - мечта, внутри - пустота и привычка.

Теперь она снова в бибировской хрущёвке. За стеной Лёха, дворовый хулиган. Взрослый. Злой. «Такое не прощают».

Она расскажет свою правду о той ночи. Он — свою.

Когда-то он обещал отвоевать её у всех. Теперь её очередь. Как отвоевать мужчину у него самого?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ви Венто

Такое не прощают

Глава 1

Вероника

Тщательно расчесав последнюю прядку, я просунула её между двух пластин раскалённого утюжка и, захлопнув две половинки, повела устройство вдоль пряди. Губы при этом сосредоточенно поджала, а глаза пристально следили за выполнением движения. Я обожала свои густые медные волосы, выющиеся крупной спиралью, но неделю назад я совершила ужасную оплошность: остригла их по плечи и теперь была похожа на мохнатого львёнка. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, после каждой помывки головы я приноровала выпрямлять их утюжком. От вредной процедуры они хотя бы становились длиннее и не торчали в разные стороны. А ещё с прямыми волосами я казалась себе взрослее.

Закончив укладку, выключила устройство из розетки и отбросила его в угол подоконника. Комната у меня была небольшая: вмещались только односпальная кровать, рабочий стол для учёбы и двухстворчатый шкаф для одежды. Поэтому подоконник я превратила в уголок красоты, где расположила всю свою косметику, духи, расчёски, резинки и про-

чье. В центре стояло крупное овальное зеркало на подставке. В нём я могла видеть только половину себя, а если мне нужно было оценить, как выглядят мои ноги в той или иной одежде, то я подвигала стул, становилась на него и осматривала нижнюю половину, после этого рисовала в своей голове полный образ.

Пошуршав руками в разных коробочках, набитых недорогой косметикой, я нашла нужный блеск для губ, открыла его и начала наносить на и так вечно красные губы. Наверно, мне повезло с этой природной особенностью: можно обойтись без помады.

Завершив макияж, я немного потанцевала под любимую песню, играющую из динамика телефона, лежащего рядом. Послала себе парочку воздушных поцелуев и похлопала длинными ресницами, заигрывая сама с собой.

– Вероничка, а ты куда намылилась? – В комнату заглянула бабушка.

– Ба, я же говорила. С Лизкой и Светкой идём на концерт в «Музеон». Там фестиваль молодёжи, – я обернулась на бабушку и снисходительно дала объяснение.

– Точно. Я запомняла. Но ты давай, чтобы не допоздна. – Бабушка не очень довольна посмотрела на мои короткие джинсовые шорты, но вслух ничего не сказала.

– Не переживай, в десять буду дома, как всегда.

Мы жили с бабушкой вдвоём. В старой пятиэтажной хрущёвке, на севере Москвы, в Бибирево. Нет, я не сирота. У

меня была мама... и папа когда-то был, но он умер, когда мне было шесть. А мама... она искала себя. После смерти отца не захотела оставаться в России, поэтому уехала покорять мир. Часто меняла страны, работу и мужчин. Мама у меня хорошая. Весёлая красавица. Последние три года она живёт в Сербии. У неё серьёзные отношения с местным бизнесменом, и в последний свой приезд она даже намекала нам с бабушкой на скорую свадьбу.

Мама регулярно приезжала в Москву, чтобы навестить нас. Привозила много подарков, одежды, косметики. Её приезд всегда был как праздник. И в этом году я уже считала дни до встречи. Она всегда приезжала за несколько дней до начала учебного года. Много гуляла со мной, разговаривала, водила по магазинам и ресторанам. Мне её не хватало, первые годы я ужасно тосковала по ней, не понимала, почему мама с нами не живёт. Но бабушка объяснила, что маме нужно работать, чтобы я ни в чём не нуждалась. А сейчас, когда я выросла... наверно, уже просто привыкла, что моя красивая, прекрасная мама где-то есть, она меня любит и заботится как может.

Меня с детства учили жить не эмоциями, а головой. Бабушка, мама, жизнь. Когда я плакала и хотела к маме, мне говорили, что я маленькая и глупенькая и не понимаю взрослую жизнь. Что взрослые не могут всегда сидеть с ребёнком. Они работают на благо семьи. Говорили, чтобы я перестала ныть, и со временем я перестала.

Мама присылала нам с бабушкой достаточно денег, но львиная доля уходила на дополнительные занятия и репетиторов для меня. Потому что мне с детства твердили, что я должна получить отличное образование и учиться в престижном вузе. Потому что там контингент и перспективы! А данные для успешной учёбы и большого будущего у меня были отменные. Дедушка по маминой линии был профессором в физтехе. Бабушка – научным сотрудником в НИИ радиологии. Собственно, за их заслуги ещё в молодости и была получена квартира, в которой мы сейчас живём.

В прошлом году, когда мне было пятнадцать, в очередной мамин визит мы присели на террасе ресторана в центре Москвы, уставшие после шопинга. Я поставила четыре больших пакета рядом со стулом и опустилась на него, уставшая, но довольная. Купленные вещи были недорогие, из масс-маркета, но все стильные и молодёжные. Я готова была пищать от восторга. Мы заказали лимонад и роллы. Я, прикрыв от экстаза глаза, потягивала сладкий напиток через толстую трубочку, а мама смотрела на меня зачарованным и каким-то изучающим взглядом.

– Ты становишься такой красавицей, Веро. – Она протянула руку и прощлась по моим длинным рыжим прядям. – Мальчишки, наверно, уже заглядываются.

– Да нет, так, только дёргают бесконечно, придурки. – Я поморщила носик.

– Что это значит? – спросила мама с деликатной улыбкой.

– Да постоянно всем что-то надо от меня. То скажи задание, то дай ответы, то «убери свои вещи, Филатова», хотя они никому и не мешали! То стандартно морковкой или апельсинкой назовут. В общем, мам, им лишь бы докопаться. Я не обращаю на них внимания.

– Понятно, – протянула мама. – Девочка моя, я знаю, что ты неглупая, но береги себя, пожалуйста, от всяких вот этих «дай то, дай сё». Хорошо?

Я непонимающе посмотрела на маму, но что-то внутри уже осело как установка: «беречь себя от всяких». Я обожала свою мать, она была для меня идол, эталон. Я впитывала все её слова как губка.

– Ты прекрасная, красивая и умная принцесса, и ты достойна только принца. – Мама подвинулась ко мне на стуле и обняла меня одной рукой. – Я очень хочу, чтобы твоя жизнь сложилась лучше моей. – Она притянула мою макушку и прижалась к ней губами.

Со всеми этими нравоучениями от мамы и бабушки к шестнадцати годам я уже была надзюкаканная, как взрослая тётка. Основным кредо моей жизни была фраза: «Прежде чем что-то сделать, подумай о последствиях».

Чмокнув бабушку в щёку, я выбежала на улицу, где меня уже ждали подружки-одноклассницы.

– Ну наконец-то! – прокричала Лиза, увидев меня, и закатила глаза к небу.

Я зыркнула на Лизку, бегло оценила её прикид и немного

опешила. По-моему, кто-то считает себя уже взрослой женщиной. Да, она была постарше нас со Светкой, и ей уже в сентябре семнадцать, но всё-таки так откровенно одеваться – не знаю...

– Вау, вот это лук у тебя! – воскликнула я, но получилось немного сконфуженно.

Подруга довольно улыбнулась, пройдясь ладонями по крутым, чуть полноватым бёдрам, обтянутым коротким красным платьем. Спина была полностью открыта. Перед платья держался на одной бретели, перекинутой через шею, а вырез платья откровенно оголял полные груди без белья. Лиза была крупнее меня, и её формы были более женственные. Довольно яркий макияж на лице придавал возраст. В целом она выглядела лет на двадцать пять, а не на неполные семнадцать.

– У сестры спёрла, пока она не видела, – довольно хихикнула подруга, переложив обесцвеченные волосы с одного плеча на другое.

Светик же, наоборот, выглядела как рядовой подросток. На ней были джинсы и футболка, и она казалась младше своего возраста. Русые волосы были затянуты в высокий хвост, косметики почти нет. У Светы на неё аллергия. Я же была чем-то средним между своими подругами и в целом надеялась, что выгляжу на свои шестнадцать. Младше выглядеть не хотела, а старше не стремилась. Мы были очень разные как внешне, так и по характеру, но, несмотря на это, мы

крепко дружили с пятого класса. Вот такой странной разношёрстной компанией мы двинулись к метро.

Стоя в несущем нас в центр города поезде, мы слушали Светку, которая только что вернулась с родителями из Турции, из пятизвёздочного отеля олл-инклюзив. Подружка с восторгом в глазах рассказывала, какие там развлечения и дискотеки. Вещала, что познакомилась с кучей парней и девочек из разных городов и с некоторыми даже поддерживает связь.

– Блин, а какие там аниматоры! – Светуля зажмурилась. – Красивущие, весёлые, загорелые! Один ко мне даже подкапывал, но я его отшила. Ему аж двадцать три!

– Ну и дура! – хмыкнула Лиза.

– В смысле? – не поняла Света. – Мне что, ему дать нужно было в первый же вечер?

– А чё артачиться, если парень горячий? Тем более в отпуске, да на берегу моря. Ух! – с восторгом вещала Лиза.

Мы со Светкой переглянулись, чтобы убедиться, что мы думаем одинаково и не поддерживаем Лизкины мысли.

– Лиз, ты реально готова дать первому встречному? – спросила её Света в лоб.

– Да я вообще-то уже, – сообщила между делом подруга.

– Чтооо? – мы не сдержали возглас – даже несколько человек на нас посмотрели. Уставились на неё во все глаза и ждали подробностей.

– Ну помните, я на прошлой неделе ездила к бабушке в

деревню, в Ивановскую область? Там с парнем познакомилась. Красавчик такой, взрослый, серьёзный. Не то что те, кто до сих пор за мной бегали. Он ко мне и так и эдак, ну я ему в последний вечер и сдалась. – Она захихикала. – Ой, девки. Он меня так вертел. Всю ночь не отпускал. Это оказалось так классно! Больно только вначале, а потом я уже сама на нём скакала.

Слушая подругу, я почему-то покраснела и засмушалась.

– А ты не жалеешь, что вот так, не по любви? – зачем-то спросила я её.

– Ой, и сколько её ждать, любовь эту? Я вообще замуж не собираюсь. Буду работать, путешествовать и заниматься сексом направо и налево. Чё мне, как мать, что ли, жить? Замуж в двадцать лет и троих детей?

Я задумалась. Мне бы хотелось с любимым, единственным и с тем, с кем потом всю жизнь проживу. С принцем. Где-то на лежаке с аниматором или в бане с деревенским парнем – ну уж нет. Но Лизе я говорить ничего не стала. Её жизнь – её дело.

Зайдя в парк, мы попали в толпу молодёжи. Уже была слышна музыка со стороны большой сцены.

– Давайте по хот-догу сожрём? – предложила Лиза в своей развязной манере. – Чтобы потом не отвлекаться от выплечения.

Предложение было хорошее. Мы купили по большой булке с сосиской и разными соусами и встали за высокий сто-

лик. Я откусила большой кусок и поймала себя на мысли, что мне хорошо. Каникулы, молодость, подруги, концерт, много молодёжи, тепло. Кайф! Был разгар июля, погода стояла шикарная: днём жарко, к вечеру приятно.

Мы обсуждали одного блогера, который должен сегодня появиться на сцене, и гадали, придёт ли он со своей девушкой или нет.

– Ой, девочки! Кажется, на нас глаз положили, – прошептала Лизка, наклонившись к середине столика. – Только не смотрите!

Но было уже поздно: мы со Светкой обернулись и недалеко, возле лавки, увидели трёх парней лет восемнадцати. Они все были симпатичные, но один явно отличался – высокий блондин с чуть отросшими волосами и причёской в стиле олд мани.

Парни, увидев, что мы тоже их заметили, осмелели и двинулись в нашу сторону.

– Чур, мой блондин, – Лиза сразу забила красавчика себе.

– Тебе же не нравятся ровесники? – напомнила ей Света.

– Такие нравятся.

– Привет, девчонки! – начал один из них, тот, что пониже всех. – Вы тоже на концерт?

– Какая прозорливость, – съязвила Света, сверля глазами парня, который задал вопрос. Но тот не обиделся, а, хмыкнув, спросил, как её зовут.

Мы все перезнакомились и перекинулись обычными во-

просами. Кто в каком районе живёт и где учится. Парни уже были студентами. Двое местные, один приехал к другу на каникулы.

Лиза подвинулась поближе к блондину и навалилась на столик, открывая своё декольте. Светка не сошлась характеристиками с самым разговорчивым и невысоким, и теперь они кидали друг в друга острые фразочки. Я старалась общаться со всеми понемногу, просто из вежливости.

– Скоро начнётся, пошлите? – говоря это, она смотрела на блондина.

Мне не понравилось, что она собралась тащить их с нами на концерт. Мы планировали классно провести время втроём. Поржать, потанцевать и посплетничать. А три малознакомых парня портили всю картину. Я попыталась донести все свои мысли через настойчивый взгляд, которым я уставилась на Лизу, но та делала вид, что не замечает.

– Мне кажется, или ты не очень довольна нашей компанией? – спросил у меня блондин. Его звали Ваня.

– Нет, всё ок, – ответила вежливо и ускорила шаг, надеясь занять места получше.

Своей небольшой компанией мы пристроились немного сбоку от сцены: место не супер, но в целом всё видно. Я отдалась танцам и эмоциям. Мы с девчонками прыгали и подпевали певцам. На парней сильно внимания не обращали, тем более я. Я пришла наслаждаться, а не развлекать новых знакомых.

– Хочешь пить? – Ваня протянул мне запотевшую бутылку воды и мило улыбнулся.

Я стёрла капли пота со своего лба и убрала опять завившиеся от духоты пряди назад.

– Спасибо! – Пить я хотела, и вода была кстати. Протянула руку, открыла и жадно припала губами к горлышку. Ваня смотрел на меня не отрываясь.

– Я вообще-то тоже хочу пить! Ты одну купил? – подпрыгнула к нам Лиза.

Ваня на секунду растерялся, но быстро нашёл выход из положения.

– Можешь забрать мою. – Отдал бутылку Лизе и немного отступил назад, давая нам место для танцев. Я отвернулась от него и продолжила веселье.

Когда концерт закончился, парни уже было двинулись за нами, и я, почувствовав прилив раздражения, решила их наконец-то отшить.

– Ребят, спасибо за вечер. Приятно было познакомиться. Может, ещё пересечёмся.

Лиза зыркнула на меня недовольно, и даже Света немного растерялась от моего выпада. Парни оказались неглупые, сразу всё поняли.

– Да, хорошо время провели. И вам спасибо, – сказал болтун.

Ваня подошёл ко мне вплотную и спросил:

– Дашь мне свой номер?

Он был приятный, не наглый, воспитанный. Но мне не хотелось. Не ёкнуло.

— Прости, но... — прошептала я тихо, чтобы никто не услышал. Не хотелось его унижать.

— Я понял. Ладно. Удачи.

Парень отошёл на пару шагов и махнул всем рукой, другие ребята последовали за ним.

— Что он хотел? Телефон? — подскочила Лизка. — Филатова, я же сказала, что он мой! — она начала на меня наезжать.

— Ну так и бери его! — гаркнула я на неё и махнула в сторону ушедших парней. — Беги давай! Мне он не нужен!

— Не нужен, а сама весь вечер крутилась перед ним. В итоге добились, что перетянула на себя его внимание, а телефон всё равно не дала. Ни себе ни людям. Подруга ещё называется!

— Зашибись ты придумала. Оказывается, он у тебя номер не попросил, потому что я его переманила? А может, ты ему просто с самого начала не понравилась?

— Девочки, успокойтесь! — встала между нами Света. — Вот мы ещё из-за пацанов не ругались.

Я пожала плечами и повернулась в сторону метро. Даже обсуждать эту высосанную из пальца проблему не буду.

Глава 2

Вероника

– Вероничка, есть будешь? – спросила бабушка, когда я пробежала по коридору из кухни в свою комнату.

– Неа, – сказала я, откусывая яблоко.

Зашла в своё логово, плюхнулась на кровать и, подложив под спину подушку, продолжила увлекательное чтение.

Решила перечитать свою любимую книгу, «Записки институтки» Лидии Чарской. Помню, как читала её впервые в четырнадцать и как переживала за дружбу и судьбы двух институток, Людочки Власовской и грузинской княжны Нины Джавахи. Какая чистая, искренняя и преданная дружба связывала этих девушек, и с какими трудностями они столкнулись в стенах сурового института в холодном Петербурге!

Я так погрузилась в чтение, что даже забыла про яблоко, которое так и осталось сжатым в моей кисти. Мир фантазий прервал противный звук сигналящих автомобилей, гудящих двигателей и последующий визг старых скрипучих тормозов. Моё распахнутое окно находилось на третьем этаже, поэтому ощущение было, что вся эта какофония звуков происходит прямо перед моей кроватью. Я вздёрнула голову, недовольно уставившись на окно и подлетающий от ветра туюль. Тут же услышала хлопки дверей, весёлую музыку из автомобилей, какой-то рэп с матами. Мужской ржач и весё-

лые крики.

Интерес взял своё, я подскочила с кровати и, расчистив от косметики место, залезла на подоконник. Внизу стояли две старые иномарки, одна из которых подъехала буквально на моих глазах – из неё вышли два парня и девушка, вновь прибывшие подошли к уже стоящим трём парням возле первой машины. Они радостно друг друга встретили, особенно одного, который стоял в военной форме цвета хаки. Талия парня была перехвачена белым ремнём, из-за чего его спина и плечи казались очень широкими, на голове красовался зелёный берет. Его лица я не видела. Слышала только заразителный смех. Но, осмотрев остальных и узнав некоторых в лицо, я догадалась, кто к нам явился. Не успела я даже в уме произнести свою догадку, как из подъезда выбежала наша соседка тётя Марина и, мелко семеня, со слезами на глазах, бросилась в объятья сыну. Он крепко обнял мать, слегка её приподняв, на что она начала повизгивать и бить его по плечам. Тут он обернулся лицом к дому, и я смогла его рассмотреть. Ну да, Лёха Жданов собственной персоной. Вернулся из армии. Хотя не совсем уже из армии. Его срочная служба закончилась ещё год назад, а потом он подписал контракт, и его отправили куда-то на границу с Казахстаном. Знала я все эти подробности, потому что его мама и моя бабушка очень тесно дружили. Лёха был единственным, долгожданным и поздним ребёнком. Тётя Марина родила его уже почти в тридцать семь. Поэтому у них с моей бабушкой разница в

возрасте была всего пять лет, что очень их сближало, помимо квартир на одной лестничной клетке. Если подниматься к нам на этаж, их трёшка была прямо напротив лестницы, а наша двушка была справа.

Тётя Марина часто приходила к нам домой и за чашкой чая бесконечно жаловалась на своего хулигана. Из кабинета школьного директора она практически не вылезала. Лёха был энергичным, неуправляемым, рос без отца, и его воспитывала улица. Тётя Марина родила его, как говорится, «для себя», когда поняла, что часики уже тикают, а ни мужа, ни детей у неё нет. От кого и как получился Лёха, я не знала: эта часть разговора как-то меня обошла. А вот какое счастье и несчастье одновременно у неё получилось, я наслушалась вдоволь.

Мы со Ждановым учились в одной школе, только я была на четыре года младше, но всё равно была в курсе всех его проделок. Все были в курсе. Звезда района, блин. Как-то он поцапался с пацанами с соседнего района, в итоге это вылилось в большую драку школа на школу. Ужас, что было. Накостыляли ему тогда знатно: нос сломали и ребро. Он даже в полицию попал как один из основных зачинщиков. Тётя Марина отдала все свои сбережения, но отмазала его от серьёзных последствий. Списали всё на возраст, хотя ему было уже шестнадцать. Мать ему потом ещё сверху всыпала, оттащав парня, выше её на две головы, за уши. Конечно, и так жили небогато, а ещё этот засранец проблем прибавлял, отма-

зять сына стоило недёшево. Тётя Марина работала медсестрой сутки через двое, а в свободное от работы время оказывала платные услуги на районе. Кому уколы ходила ставить, кому – капельницы. Хорошо хоть квартира у них была своя, досталась ей ещё от родителей.

Но несмотря на все его проделки, он довольно неплохо учился. Школу закончил без троек и даже ЕГЭ написал выше среднего. На бюджет он, конечно, никуда не проходил, а вот на платное мог бы попасть в несколько неплохих вузов, да только откуда у тёти Марины деньги учить его? Вот и пришлось в армию идти.

Когда я услышала, что соседа призвали, подумала, что его мать наконец-то выдохнет. С тех пор я про него не вспоминала и не думала. И вот он заявился. Повзрослевший, возмужавший, надеюсь, поумневший, а то жаль его маму: все нервы ей в подростковом возрасте вытрепал.

Жданов поставил мать на землю, и она тут же стала активно зазывать всех к ним домой.

– Давайте, давайте! Я уже накрыла на стол.

– Сейчас, мам, покурим и придём, – бросил торопливо.

Тётя Марина цокнула на фразу про курение, но что она могла сделать здоровому лбу?

– Хорошо, пойду курицу из духовки достану.

Лёха обернулся к друзьям, и они что-то тихо стали обсуждать, трое из них, включая его, подкурили сигареты. Парня, что стоял рядом со Ждановым и протягивал всем пачку, я

тоже знала. Пашка Залужный – лучший друг и одноклассник моего соседа. Вот они вдвоём, как два брата-акробата, и выкидывали номера начиная с первого класса. Представляю, как Пахе было скучно без Лёхи. Сам-то он от армии отмазался и поступил в какой-то колледж.

Потеряв интерес к притихшей компании, я уже хотела спрыгнуть с подоконника и вернуться к книге, как моё внимание привлёк женский голос, и я опять вытянула шею.

– Лёша! – К подъезду торопливо подходила девушка, смотря на Жданова во все глаза и как будто не замечая никого вокруг.

О, а её я тоже видела пару раз у нас в подъезде, ещё до ухода Лёхи в армию. Наверно, девушка его. Моё юношеское романтическое сердечко затрепетало, предвкушая встречу влюблённых. Это же, наверно, так тяжело – быть на расстоянии друг от друга в течение двух лет. Я подвинулась ещё ближе и уцепилась за оконную раму, надеясь увидеть страстный поцелуй и объятия.

Лёха резко дёрнулся, обернулся на зов. Остальные ребята замерли. Несколько секунд смотрел на девушку. Странно, я не так себе представляла встречу двух влюблённых, но, наверно, долгое расставание берёт своё, люди отвыкают, и образуется вот такая неловкость. Он сделал последнюю затяжку и выбросил окурок в урну. После чего отвёл руку, приглашая девушку в свои объятия. Она кинулась ему на шею и вцепилась мёртвой хваткой. Что-то шептала, но мне было не

слышно. От увиденного у меня пошли мурашки и губ коснулась тёплая улыбка. Наверняка любить – это так прекрасно. Вот так до одури обниматься и целоваться, не замечая ничего вокруг. Спустя несколько секунд он с трудом оторвал её от себя и, обняв за талию, повёл в подъезд.

Я глубоко и задумчиво вздохнула и вернулась к книге. Через пять минут в комнату заглянула бабушка.

– Вероника, Марина зовёт к ним. Лёшка же вернулся, у них гулянка, пойдёшь?

– Не, бабуль. Я почитаю, – вежливо ответила бабушке, а сама подумала: делать мне, что ли, нечего – сидеть и смотреть, как взрослые парни хлещут водку.

– Ну я схожу ненадолго, посижу. Марина всё равно скоро на смену уйдёт.

– Ага.

Часам к двенадцати ночи я заставила себя лечь в кровать. Завтра на работу, а режим летом так сложно соблюдать: тёплыми вечерами совсем не хочется спать. Единственное, что радует, – это то, что на работу только к двенадцати. Этим летом я нашла очень удачную подработку в баре в соседнем квартале. Работала два через два, с двенадцати до девяти вечера. И отдохнуть успевала, и с девчонками погулять, и на карманные заработать. Мама, конечно, регулярно присылала нам деньги, но их хватало на закрытие основных нужд. Коммуналка, продукты, одежда и репетиторы для меня. На

свои девчачьи мелочи мне было некомфортно просить у бабушки, поэтому я с радостью подрабатывала летом.

Я разделась до трусиков, натянула спальную майку и, выключив свет, улеглась в кровать. Повернулась на бок лицом к стене, подогнула ноги и подложила ладонь под щеку. Из соседней квартиры доносилось приглушённое пение под гитару. Я тяжело вздохнула. Надеюсь, они не будут пить до утра, а то тихое пение может превратиться в буйную дискотеку.

Спустя минут сорок я так и не спала. Ребята вроде не шумели, но сон всё равно не шёл. Я уже вся извертелась на кровати. По привычке подняла руку, чтобы поводить пальцем по цветку на обоях, как в стену что-то стукнулось, грохнулось и раздались приглушённые смешки и тихий говор. Я с испугу даже руку в кулак сжала и уставилась на стену во все глаза. Несколько секунд какое-то шебаршение с той стороны, и по комнате стали разноситься ритмичные, скрипучие звуки. Сопровождались они глухим стуком мебели о стену.

Чтоо?! Я даже резко села на кровати, не веря своим ушам. Но тут к моему шоку прибавились ещё и женские протяжные стоны, которые становились всё громче. Я хлопала ошарашенными глазами, глядя в стену, как будто её не было и я воочию наблюдала совокупление Жданова с его девушкой. А то, что это был он, мне подтвердил женский шёпот с его именем.

Скрип, стоны и стук бьющейся спинки кровати о стену были приглушёнными, но такими близкими, что мне стало

не по себе. И что мне делать? Стучать в стену и кричать, чтобы прекратили? Я уже представила, как они будут ржать надо мной.

Я со стоном рухнула на кровать и накрыла голову подушкой, плотнее прижав её к ушам с двух сторон.

– Нет, нет, нет! Я не хочу это слушать, – прохныкала я вслух.

Я не знаю, что он там с ней делал, но стонала она всё громче и громче. Периодами они затихали на несколько мгновений, а потом всё возобновлялось. Я кусала губы и вертелась в кровати. Мне было жарко, и я агрессивно скинула ногами одеяло на пол, как будто это оно виновато в моей бессоннице.

В ту ночь я так и не уснула. Гад Жданов перестал мучить бедную девушку только под утро, когда рассвело. У меня внутри настолько всё кипело, что я соскочила с кровати и пошла бегать в парк.

Через два дня программа повторилась. Только тётя Мари-на ушла на сутки, к нашему дому подкатили Лёхины дружки и опять устроили посиделки. Затем меня ждала очередная бессонная ночь ненасытного Жданова и его бабы, которая в этот раз визжала ещё громче. И что, теперь меня это ждёт каждые два дня?

На следующее утро я еле отодрала себя от постели, поспав всего часа три. Работы у меня сегодня не было, но мы с девочками договорились поехать на речку позагорать, поэто-

му, чтобы не потерять драгоценный жаркий день, было решено выехать пораньше.

Выйдя из квартиры, я замешкалась у порога, решив проверить, положила ли я ключи. И пока я перерывала свою тряпочную сумку-мешок, дверь соседской квартиры отворилась и оттуда робко выбралась девушка. Мельком глянув на меня, она торопливо начала спускаться вниз. А я смотрела ей вслед и офигевала. Это была другая девушка! Та, что прибежала встречать Жданова, была блондинкой, а эта – брюнетка.

Вот же кобель! Девчонка ждала его два года, возможно, надеялась на что-то большее и серьёзное по его возвращении, а он её разок использовал и поменял на другую. Фу! Ненавижу таких недомужиков!

Глава 3

Вероника

На жарком солнце меня разморило, и я уснула на полотенце, а девчонки не стали будить после моего рассказа о бессонной ночи. Пропала всего минут сорок, и слава богу. За это спасибо визжащим рядом детям, иногда от этого есть польза. Вскочила, чувствуя, как раскалывается голова и жжёт подгоревшую спину. Сказала подругам, что не очень себя чувствую, и засобиралась домой. Они, глядя на моё состояние, даже возмущаться не стали, просто наградили сочувствием.

К подъезду подходила, еле волоча ноги, задумчиво смотрела вниз. Звонок телефона заставил меня остановиться за несколько метров от крыльца. Я выудила телефон из своего баула и ответила.

– Ника, ты уже доехала до дома? – торопливо спросила Света.

– Да, почти дошла. А что?

– Мы тоже решили закругляться и, когда начали собирать вещи, нашли твою связку ключей. Наверно, выпала.

Я подняла лицо к небу, закрыла глаза и приглушённо зарычала. Что за день такой говняный? Бабушки дома не должно было быть: знаю, что у неё сегодня билеты на концерт в филармонию. А это значит, что домой я не попаду. Я, конеч-

но, поднимусь, проверю, вдруг что-то изменилось в её планах, но шанс минимальный.

– Вы уже едете? Занесёте мне ключи? Я посижу на лавке.

– Да, но сейчас пробки – минут сорок, не меньше.

– Как будто у меня есть выбор? – сказала я вместо прощания и отключилась.

Медленно повернулась к подъезду и, сделав шаг, замерла.

Лёха Жданов стоял около входа в подъезд, как раз посередине. Реально пограничник.

Ноги слегка расставлены, одна рука в кармане серых спортивных штанов. На теле тонкая тёмно-синяя футболка, которая натягивалась на груди от каждого его вдоха. А вдыхал он глубоко, делая большие затяжки. В правой руке тлела сигарета. Он наблюдал за мной с лёгким прищуром. С интересом. Глаза светло-голубые, но не тёплые. Больше холодный оттенок, уходящий в серый. Тёмные прямые брови и тёмные ресницы подчёркивали их яркость. На голове армейская стрижка под ёжик.

Он изменился. Я помню его жилистым подростком, такой, как будто вечно готов к прыжку. Дикий. Сейчас он стал крупнее и вальяжнее, но жёсткость осталась. Она считывалась вибрационно. Широкая шея переходила в крупную грудную клетку. Скуластый, и рот такой... привлекающий внимание. Вообще, его можно было бы назвать смазливый, если бы не шрамы на лице. Правая бровь прерывалась тонкой полоской бывшего рассечения, ровно посередине. На левой ску-

ле белёсые следы от давнишних швов и небольшая горбинка на носу, оставшаяся после перелома. На подбородке тоже шрам. «Господи, весь перешитый», – подумала я с некстати взявшимся сочувствием. Но вся его смазливость смывалась, стоило посмотреть в глаза или проследить за движениями. Весь его образ говорил: «Лучше не связывайся со мной».

Он опять поднёс сигарету к губам, втянул дым и выпустил его, склонив голову слегка набок.

– Привет, Ника, – наконец сказал он, закончив своё рассматривание. – А ты выросла, – протянул задумчиво.

Я отмерла от ступора, вызванного неожиданной встречей, и тронулась к подъезду.

– Привет. Ты тоже, – бросила на ходу.

Я хотела его обойти, но он сделал шаг в сторону, преграждая мне путь.

– Постой со мной немного. Расскажи, что нового на районе случилось, пока меня не было. – Он приподнял одну бровь и снисходительно улыбнулся, пытаясь создать видимость дружелюбия.

И тут я вспомнила, что причиной моего сегодняшнего ужасного дня и настроения является как раз-таки он. Человек, который просит поразвлекать его, пока он курит. Я вспыхнула от гнева.

– С удовольствием бы поболтала с тобой, да, знаешь, ни сил нет, ни настроения.

– А что так? – Он опять прищурился.

– Твоя дама мне всю ночь спать не давала! – резко высказала, а потом засмушалась от сказанного. Некомфортно мне такое озвучивать.

Он секунду не мог понять, о чём я, потом брови парня взлетели вверх, глаза заискрились весельем, и он засмеялся во весь голос.

Я покрылась румянцем и оглянулась по сторонам, как будто прохожие могли нас услышать и тоже начать смеяться. Мой взгляд опять метнулся на смеющегося парня, и, глядя на его ровные зубы, я думала о том, как он умудрился их не растерять в своих бесконечных мордобоях. Он еле успокоился, затянулся и направил струю дыма вниз. Только после этого поднял голубые глаза на меня.

– Сколько тебе лет?

– Какое это имеет значение? – Я не понимала, зачем ему эта информация. Переживает, что мои детские уши услышат неположенные звуки – так я давно уже не ребёнок.

– Шестнадцать.

Он осматривал моё лицо, думал о чём-то своём.

Не знаю, что я ожидала услышать от этого человека, может, извинений или обещаний, что впредь это не повторится. Но услышала только язвительное:

– Купи беруши, малыш, и больше не подслушивай.

Я растерялась, не зная, что ему на это ответить. Опять покраснела от досады. И не придумала ничего умнее, чем развернуться и быстрым шагом пойти к Светиному дому. Я

просто сбежала от этого гада. Трусиха.

Алексей остался себе верен. Бурные ночи проходили как по расписанию. А я... а я купила себе беруши.

Слава богу, наши пути с ним больше не пересекались. Днём за Лёхой заезжали его пацаны, о чём оповещала громкая музыка из динамиков машины. Он прыгал к ним в тачку, и они где-то куролесили целыми днями. Бездельники.

Чмокнув бабушку в щёку, я торопливо нацепила кеды и поспешила выйти из квартиры. До смены в кафе оставалось всего полчаса, а ещё нужно дойти и переодеться. На лестничной площадке столкнулась с соседом с пятого этажа. Тот, как всегда, прошёл мимо и не поздоровался. Неприятный тип. Он с семьёй заехал к нам около полугода назад и как будто плевал на всех жильцов и правила подъезда. Они сразу же захламили всю лестничную клетку личными вещами, на что жаловалась баба Нина, которая жила с ними рядом. Деньги на новые почтовые ящики сдавать отказался, хотя там копейки. Жена его всех сторонилась, как будто боялась что-то делать без указки мужа, хотя с ней пытались разговаривать все, в том числе и старшая по дому. Но их семейке правила не писаны. И пару дней назад я увидела, что это он бросает окурки со своего балкона прямо в палисадник, за которым ухаживает моя бабушка. Она с такой щепетильностью высаживала пионы возле подъезда, чтобы сделать двор красивей, а этот свин устроил вокруг них мусорку.

– Простите! – окликнула я его, когда он уже прошёл мимо и стал спускаться ниже.

Он лениво повернул своё грузное тело и уставился на меня взглядом «чё те надо?»

– Я хотела попросить вас больше не кидать окурки с балкона. Если вы не заметили, то там клумбы, а не помойка, – набрала воздух в лёгкие, выговорила скороговоркой.

– Чё ещё мне не делать? – хмыкнул боров.

– Моей бабушке приходится ползать и собирать всю эту грязь и мусор за вами! – Я задохнулась от обиды и несправедливости. Почему взрослые люди не понимают простых человеческих вещей?

– Ну, если твоей бабке нравится там ковыряться, то пусть ковыряется на здоровье. – Он уже собирался отвернуться и продолжить свой путь, но меня захлестнула злость, и я решила ему ответить в его же манере, раз по-другому он не понимает.

– Ей не нравится! Но приходится, потому что в нашем доме поселилась семья свиней, которая гадит там, где живёт! – Неожиданная для меня смелость, но, если дело касается моих близких, я порвать готова. А уж бабушку какому-то уроду ни обижать, ни оскорблять не позволю. Не знаю, на что я рассчитывала, наехав на него: что он признает вину и извинится или молча проглотит и уйдёт. О последствиях я не подумала, а зря. Лицо мужика искорёжилось от злости, и он двинулся ко мне.

– Ты чё, овца малолетняя, на мою семью ещё чёто пиздеть будешь? – гаркнул он на весь подъезд.

Здоровый толстый мужик надвигался на меня, а я рефлексивно начала отступать назад. Быстро забежать в свою квартиру я не могла: нужно было найти ключи в сумке, так как дверь захлопнулась. Да и мозг почему-то забыл про этот вариант. Я упёрлась спиной в соседскую дверь и со страхом ждала приближения мужика, думая о том, что он сделает. Неужели ударит?

Тут дверь за моей спиной начала открываться, и я поняла, что просто падаю назад, проваливаясь в чужую квартиру. Чьи-то руки меня поймали, и я, сделав шаг назад для устойчивости, задрала голову. Мои глаза пересеклись с холодными Лёшиными. Он был сонный и злой; посмотрев на испуганную меня, он поднял глаза на мужика, который уже стоял на лестничной клетке.

– Что тут происходит? – спросил гневно. При этом смотрел на соседа, а не на меня, понимая, что агрессия идёт с его стороны.

Мужик, ещё не успевший узнать Жданова в полной мере, подумал, что перед ним простой молодой парень, который не представляет угрозы, выплюнул в том же тоне, в котором разговаривал со мной:

– С соседкой не ладили немного. На семью мою рот открыла. Сейчас извинится и разойдёмся. – Всё это время он смотрел на меня и криво улыбался.

Лёша взял меня обеими руками за плечи и задвинул вглубь квартиры, чтобы не мешала ему выйти.

– И что сказала? – Он вышел на площадку в одних спортивных штанах с голым торсом, а я как дура пялилась на его обнажённую спину, стоя в тёмном коридоре.

– С дворником меня перепутала. Говорит, что я территорию должен убирать и что моя семья – свиньи. За такое ответить надо.

– Лёша, он окурки кидает на бабушкины цветы! – я стала защищать себя, услышав, как этот боров вывернул ситуацию. – Я попросила этого не делать!

Жданов даже не обернулся на меня. Медленно осмотрел мужика с ног до головы.

– Ты кто вообще такой? Я тебя раньше не видел? – спросил вкрадчиво, тихо.

– В смысле? Я живу тут! Я тебя тоже раньше не видел! – встрепнулся мужик.

– Окурки, значит, в цветы Веры Романовны бросаешь? – сказал задумчиво, и спрашивая, и констатируя факт одновременно. – Ну пошли. – Лёша направился к лестнице.

– Куда? – удивился мужик.

– Собрать будешь... а потом жрать.

От услышанного у меня волосы дыбом встали. Мужик побледнел и открыл рот, не веря, что это правда, но быстро взял себя в руки, вспомнив, что он тут взрослый, засмеялся и сказал:

– А не пошёл бы ты нахер вместе с этой мокрощёлкой. Лоха тут нашли, что ли?

Лёша ничего не сказал в ответ. Он просто подошёл к мужику, схватил его сзади за шею, зафиксировав, и ударил со всей силы в солнечное сплетение кулаком. Одно чёткое выверенное движение. Сосед задохнулся, выпучив глаза, сложился пополам и осел на колени. Когда смог сделать глубокий рваный вдох, сразу закашлялся. Жданов не дал ему передышки, схватил мужика двумя пальцами за нос и сжал со всей силы так, что тот заскулил и попытался оторвать от себя руки Лёши, но это было безрезультатно. Я поморщилась, глядя на эту картину. Мне было неприятно. Даже стало жалко этого уроды, но вмешиваться не стала. Побоялась.

Лёша стал поворачивать свой захват то вправо, то влево, причиняя ещё больше боли мужику. Он мычал и скулил. Из носа потекла кровь. Я стояла не дыша, испытывая ужас от того, что вижу. Никогда не была свидетелем драк или разборок.

Жданов наклонился к уху своей жертвы и чётко и вкрадчиво произнёс:

– Если ты со своей семьёй планируешь продолжать здесь жить, то будешь следовать общепринятым правилам, а не тем, что ты сам себе придумал. Ясно?

– Да! – зло и надрывно выпалил мужик.

– Поэтому, если увижу хоть один окурок рядом с подъездом, хоть в цветах, хоть не в цветах, будешь жрать, даже если

это не твой бычок. В твоих интересах, чтобы всё было идеально чисто. Второе: в сторону бабушки и девочки даже не смотришь и не дышишь, понял?

Стоящий на коленях энергично закивал. Потом с трудом, но произнёс:

– Понял, понял.

Лёша убрал руку и вытер её об рубашку мужика.

– Пошёл вон отсюда!

Тот ухватился за перила, подтянул свою тушу вверх, встал на ноги и быстро убежал вниз.

Жданов повернулся и как ни в чём не бывало зашёл в квартиру, не обращая на меня внимания. Я стояла как истукан и не могла пошевелиться. Он захлопнул дверь и пошёл на кухню.

– Ну что ты там стоишь? Проходи, чай попьем, раз пришла. Вернее, ввалилась, – он засмеялся.

Я медленно подошла к кухне и опёрлась плечом о косяк.

– Лёша, тебе не кажется, что это был перебор? – спросила робко.

Парень, стоящий у кухонного гарнитура, обернулся, и я засмотрелась на серебряный крест, свисающий с его шеи.

– А когда сорокалетний мужик щемит молодую девчонку, не перебор? – Он опёрся о столешницу и сложил руки на груди, отчего напряглись мышцы на торсе.

– Не знаю. – Я пожала плечами и закусила губу. – Просто я против насилия.

– Класс! Я рассчитывал услышать что-то вроде «Спасибо», – съязвил он. – Если бы я не услышал вашу возню за дверью, что бы он сделал?

– Не думаю, чтобы руки распускал. Просто обозвал бы... наверно... Спасибо, конечно, что вышел и встал на защиту, но можно было всё решить словами, а не насилием.

– Знаешь что? – Он посмотрел на меня сердито. – Иди домой, пацифистка хренова. Устроила мне тут доброе утро! Ещё и нравоучения читает!

Я ответила таким же тяжёлым взглядом. Я вообще не про-сила его заступаться и устраивать побоище. Тоже мне защитник. Ещё и меня выставил душой, а теперь выгоняет, как будто я его утомила.

После нашей переглядки, которая длилась пару секунд, он отвернулся и стал шарить по полкам в поисках чего-то, потеряв ко мне интерес. Я постояла ещё немного и молча вышла из его квартиры.

Должна признать, что методы у Жданова были зверские, но эффективные. Теперь около подъезда царили чистота и порядок. А однажды я увидела, как сосед с пятого этажа сунул дворнику пару купюр, видимо, для того, чтобы уделит особое внимание нашему дому. Бабушка тоже заметила перемены, удивлялась, что нет окурков в цветах, а сам сосед начал с ней сдержанно здороваться.

Глава 4

Вероника

Я собирала грязную посуду за гостями, которые только что покинули наше заведение. Заглянула в папку с расчётом и довольно улыбнулась: мне оставили несколько купюр на чай. Отлично! Завтра мой последний рабочий день, через два дня – в школу. И я уже предвкушала, что я куплю себе на свою зарплату. Очень хотелось кожаную куртку оверсайз и грубые ботинки. Надоели образы пай-девочки. Меня потянуло на что-то взрослое, дерзкое! Собрал все тарелки на поднос, я обернулась и наткнулась на Гришу, худощавого и чуть сутулого парня в очках. Он тоже подрабатывал здесь официантом в летний период.

– Вероника, только не нервничай, – начал он, и я сразу напряглась. – По-моему, мужики с четвёртого столика ушли.

Я медленно посмотрела на угловой стол. На тарелки с остатками еды, пустые стаканы и стопки. Почти допитая бутылка водки и скомканные салфетки.

– Они покурить, наверно, вышли. Они весь вечер бегали, – я попыталась объяснить Грише, что он ошибается... или себе.

– Да, сначала вышли, я их видел возле крыльца, а сейчас там никого нет.

У меня затряслись руки, я лихорадочно начала вспоми-

нать, что и сколько они поназаказывали, и паника внутри меня набирала обороты с каждой секундой. Всё самое дорогое. Четыре мужика пили и ели почти три часа, постоянно дополняя заказ.

Мои руки затряслись, и Гриша перехватил поднос с грязной посудой, при этом не переставал смотреть с сочувствием. Я кинулась на улицу. Вертела головой в поисках знакомой компании, но, естественно, никого не увидела. Может, они в туалете? Ага! Все вчетвером!

– Мамочки! – Я закрыла лицо руками и зажмурилась, чтобы не расплакаться, но получилось плохо. Глаза зарезало, и они наполнились влагой.

Тут подоспел Гриша, уже без подноса, и тоже посмотрел по сторонам.

– Ника, ну не реви. Иди к Александру Семёновичу, объясняйся. Так-то ты не виновата. Может, спишет... – последнюю фразу добавил без уверенности.

Я всплеснула руками от досады и поплелась на второй этаж в кабинет директора.

Директор поцокал, почмокал, даже сделал вид, что жалеет меня и негодует, но...

– Вероника, ты же знаешь, что ответственность за расчёт лежит на официанте. Ты должна была следить за гостями. И это не мои правила, так во всех ресторанах. К сожалению, я не могу нести убытки по твоей вине и закрывать неоплаченный счёт из своего кармана.

После этого разговора я спустилась в комнату персонала, со всеми попрощалась, сняла униформу и, захлёбываясь слезами, поплелась в сторону дома. Долг за счёт превышал мою зарплату. Таким образом, я не только осталась без заработка, но ещё и с долгом. На светофоре я столкнулась с Лизкой, которая шла ко мне на работу. Иногда, когда были мои смены, подружки прибегали в наш бар и сидели, трещали языком, ждали, пока закончу. Потом мы вместе возвращались по домам, долго и медленно, наслаждаясь летними вечерами.

Лиза, увидев, в каком я состоянии, подлетела ко мне и начала трясти за плечи.

– Что случилось, Филатова?!

Её сокрушительная энергия и напор напрочь меня раздавили, и я разрыдалась в голос. Мне было до ужаса обидно, что судьба так несправедлива. И даже не столько из-за денег, хотя они мне были очень нужны, сколько из-за ужасного человеческого отношения.

Подруга поволокла меня к лавке, стоящей у края тротуара, усадила и потребовала рассказать, что случилось.

– Лиза, ну почему люди такие ужасныееее? – выла я, как волк на луну, запрокинув голову. – Особенно мужики! – добавила яростно. – Почему, если перед ними беззащитная девушка, то можно с ней не считаться и вытирать о неё ноги?!

– Господи, Филатова, у тебя мужиков-то не было – когда и кто успел тебя обидеть? – не поняла Лиза.

Я посмотрела на неё заторможенно. Икнула и утёрла нос

рукавом джинсовки.

– Я не про личные отношения, а про человеческие! Люди не уважают друг друга, все хотят обмануть, кинуть или обидеть! – я опять всхлипнула.

Мимо проехала машина, но внезапно остановилась в двух метрах от нас, сильно заскрипев тормозами. Лиза поморщилась и недовольно глянула на грязную серую иномарку. Я даже внимания не обратила из-за застилающих глаза слёз: я ничего не видела.

– Что опять у тебя случилось?! – вдруг услышала низкий, строгий голос где-то сбоку и сверху. Икнула и посмотрела вверх, попутно вытирая глаза.

Рядом стоял Жданов, нависнув над нами обеими. Лицо парня было сосредоточенное, он не сводил с меня взгляда и ждал ответа. Лиза засуетилась и подскочила со скамейки, чем привлекла моё внимание. Она во все глаза пялилась на Лёшу и суетливо переставляла ноги, пытаясь найти подходящую позу. Я смотрела снизу вверх на них обоих.

– Да вот, тоже пытаюсь от неё добиться, что случилось, а она ноет и ноет, – подружка хихикнула и переложила волосы с одного плеча на другое.

Я даже плакать перестала. Вроде Лиза сказала обычную фразу, да только звучало это как-то пренебрежительно по отношению ко мне. Пренебрежительно и неуважительно. Как будто я хнычу из-за потерянной конфетки.

Лёша медленно осмотрел её с ног до головы.

– Как тебя зовут? – спросил имя подруги. Мне захотелось крикнуть: «Я вам не мешаю?!»

– Лиза, – ответила игриво, в своём репертуаре.

Жданов повернулся в сторону машины, и я проследила за его взглядом. Только сейчас увидела Пашку Залужного. Тот вышел из автомобиля и, прислонившись к капоту, курил. Лёха нагло и без спроса приобнял Лизу за плечи и стал увлекать к иномарке. Я смотрела на эту картину с открытым ртом.

– Паха, нужно занять интересной беседой эту великолепную девушку. Знакомься: Елизавета.

Паха быстро затушил сигарету, выбросил в урну рядом с другой скамейкой, которая была ближе к нему, и, широко улыбнувшись, протянул ладонь Лизе, мне показалось, даже поклонился слегка. Залужный не был красавчиком, но харизма у него была через край. Та немного опешила, но не отказалась от знакомства. Лёха же оставил её в компании друга и быстро вернулся ко мне. Скамейка была без спинки, поэтому он сел лицом к моему профилю, расставив ноги по сторонам.

– Рассказывай! – начал без предисловий.

Я повернула на него лицо и несколько секунд думала обо всём, только не о своей проблеме. О том, что он не проехал мимо, а, заметив меня, остановился узнать, что случилось, несмотря на нашу последнюю встречу и то, на какой ноте мы разошлись. О том, что он так филигранно сплавил Лизу, которая даже не пыталась вникнуть в мою проблему. Во-

обще мы с ней в последнее время стали очень разными, но об этом я подумаю позже... А ещё я думала о том, что он впервые так близко: между нами сантиметров двадцать, не больше. Я смотрела в холодные голубые глаза, на тёмно-русые брови, поднявшиеся вопросительно, как бы говоря: «Я жду». Но словами он не торопил. Потому что тоже смотрел. С глаз опустил взгляд на губы, потом на прилипшие к мокрым щекам пряди, как будто хотел убрать их с моего лица, но не позволял себе эту вольность. Я не выдержала, отвернулась и уставилась в серый асфальт. Опять накатила жалость к себе, и я всхлипнула.

– Я подрабатываю в баре неподалёку, – начала тараторить, не знаю, зачем я на него это выливаю, но хотелось выплеснуть обиду. – Четверо мужчин гуляли несколько часов, а потом ушли, не заплатив. Там чек получился двадцать три тысячи, а у меня зарплата семнадцать с половиной, – я опять всхлипнула и, устыдившись своих воплей, закрыла рот ладошкой и бесшумно продолжила плакать.

Лёша молчал, да и что он скажет? Глупости. Зачем ему вообще выслушивать мои проблемы?

– А они ещё заказывали всё самое дорогое! – крикнула я, разозлившись. – Креветки, пиво импортное, потом шашлыки из говядины несколько порций и нарезки мясные и рыбные. Водка премиальная!! – Я не контролировала словесный поток, он просто шёл из меня.

Лёха тихо засмеялся от услышанного, и я резко поверну-

лась к нему: стало обидно от его реакции. Он смотрел на меня как на дитё. Я стушеввалась и покраснела.

– Как заведение называется? – спросил спокойно, перестав улыбаться.

– «Крафт», в конце этой улицы. А тебе зачем? – спросила я с опозданием.

– Просто интересно. – Подмигнул мне и начал вставать. – Заедем, камеры посмотрим.

Когда я вспомнила методы Жданова, мне стало не по себе. А если он разборки собрался устроить? Директор бара не виноват. Правила есть правила, и я о них знала. А за весь период работы к Александру Семёновичу у меня претензий не было. Я резко схватила Лёшу за запястье, останавливая его. Парень удивлённо посмотрел на мои пальцы, удерживающие его, потом на меня.

– Лёша, только не бей никого! – Я поднялась на ноги и встала рядом с ним, запрокинув голову, чтобы смотреть в глаза. – Я сама разберусь со своим долгом и с последствиями!

– Я что, сказал, что поеду бить кого-то? Я сказал: камеры посмотрю. За кого ты меня принимаешь?! – Он разозлился. Я растерялась.

– Я просто... – Отпустила его руку и отступила.

– Просто!

Мы немного помолчали, стабилизируя свои эмоции, и он сказал:

– Забирай свою подругу, Лисичка, и идите домой. Посмотрим, что можно сделать.

Я смотрела ему вслед со смешанными чувствами. Не могла разобраться, какие эмоции он у меня вызывает. Он плохой или хороший? *Лисичка*. Странно всё.

Когда парни сели в машину, ко мне подлетела Лизка и начала верещать как ненормальная.

– Ты что, мутишь со Ждановым?! И ты молчала? – Так как мы все учились в одной школе, Лиза эту сладкую парочку хулиганов тоже прекрасно знала и почему-то ими восхищалась.

– Ты дура? – не сдержалась и выплюнула ей в лицо то, что уже давно крутилось на моём языке. Эмоции от всего, что произошло в последний час, зашкаливали, и я перестала себя контролировать. – Мы просто соседи. Иногда парень и девушка могут просто общаться и не... не иметь ничего серьёзного.

Лиза выпрямилась как струна и поджала губы. Оскорбилась.

– Не трахаться! Скажи уже это слово: это не так страшно, как кажется! – съязвила подруга. Лицо её было перекошено от обиды.

Я тут же пожалела о сказанном. Это было очень грубо с моей стороны.

– Прости! – Мне стало её жаль, и я поспешила отругать себя за вспыльчивость. – Я на взводе из-за неприятностей.

На меня повесили большой долг, зарплату не выплатили...
– Я всплеснула руками.

– Ого! – выдохнула с сочувствием. – А что Лёха хотел? Сможет помочь? – Лиза немного расслабилась после моих извинений и пришла в себя.

– Вряд ли он поможет. Так, просто поинтересовался, что случилось. Пошли домой: уже темнеет, – добавила и потянула Лизу в сторону нашей улицы.

Всю оставшуюся дорогу она продолжала трындеть про Жданова и Залужного. О том, что они суперклассные и горячие и что если мне не нужен Лёха, то она постарается его подцепить. Я угрюмо молчала, периодически угукая на её вопросы, и с ужасом представляла, что очередные стоны из-за стенки будут исходить от моей лучшей подруги.

Ни вечером, ни на следующий день от Лёши не было новостей. Не знаю почему, но я как будто чего-то ждала от него. Хотя Жданов абсолютно ничего не обещал. Я больше не плакала, просто грустила. Обида – такое противное чувство. Хочется выковырять его из себя, но не получается. Приходится мириться. Бабушке ничего не сказала, чтобы она не переживала.

На второй день, вечером, прозвучал звонок в дверь. Яглянула на часы: почти девять вечера. Услышала, как бабушка зашаркала по коридору, и поспешила ей наперерез.

– Бабуль, я открою! – Я уже подбегала к двери.

– Кто там так поздно может быть? – Она остановилась в

коридоре.

Я распахнула дверь, даже не спросив: «Кто?», и, глядя в голубые глаза, ответила:

– Это тётъ Маринин Лёха, книгу мне принёс.

Жданов так же смотрел на меня не отрываясь, только уголок рта пополз вверх от слов про книгу.

Я, как была в пижамных штанах и футболке, выпрыгнула к нему на лестничную клетку и прикрыла за собой дверь.

Я деликатно молчала, ждала, что он первый начнёт разговор, ведь если пришёл, значит, есть что сказать.

– Привет! – начал он.

– Привет!

– Держи свою зарплату. – Он протянул мне сложенную пополам пачку тысячных купюр.

Я посмотрела на неё с опаской.

– Тут ещё чаевые от извиняющихся мужчин. В общем, двадцать пять тысяч.

– Ого! Это много. Лишнее завтра отнесу в «Крафт». Я должна покрыть разницу. – Продолжала смотреть то на деньги, то на Лёшу, но взять не решалась.

– Ничего никому заносить не надо: твой директор сказал, что всё твоё как премия за хорошую работу. Держи уже! – сунул он мне в руки купюры.

– А как... как тебе удалось найти этих мужчин? И как они так легко отдали всю сумму и даже больше? – Меня не покидало странное чувство: вроде это законные мои деньги, и

как будто с ними что-то не так.

Лёша тяжело вздохнул и засунул руки в карманы спортивной кофты на молнии.

– Посмотрели камеры, перекинули себе видео, показали всем знакомым ребятам на районе. Заведение местечковое, значит, и гости там все свои. Пашкин знакомый узнал одного из них, он оказался слесарем на СТО, тут недалеко, сегодня мы приехали к нему на работу и объяснили, что нехорошо не платить по счетам. Он всё понял и к вечеру передал полную сумму.

– И всё?

– Да, Ника, мы никого не пытали, и никому не угрожали, и даже уши с пальцами не отрезали! – издевался надо мной Жданов. – Я же тебе обещал. Вот если бы не обещал, тогда бы не удержался, – он продолжал ёрничать.

– Перестань! – я улыбнулась.

Тут мне вспомнилась история бабушкиной давней подружки. Она кому-то дала в долг, который не торопились возвращать, и тогда она обратилась к специальным людям, коллекторам, которые вышибают долги. Но условия у них жёсткие: они потребовали половину суммы долга как плату за свои услуги. Лёша стоял, не торопился уходить, и я готова была стукнуть себя по лбу за то, что я такая недалёкая. Конечно, ему тоже нужна какая-то компенсация за услугу. Он же не просто так тратил своё время на поиски неплательщиков и переговоры. Я занервничала, не зная, как поднять эту те-

му. Меня пугали атрибуты взрослой жизни. Долги, разборки, деньги.

– Лёш... – начала я, боясь поднять на него глаза. Трясущимися руками развернула пачку и начала перебирать купюры. – Я же тебе что-то должна за помощь? Ты скажи, сколько?

В ответ только тишина, и я осмелилась поднять на парня глаза. Он странно на меня смотрел, я увидела в его взгляде смесь непонимания, изумления и искорок смеха. Я стушевалась ещё больше.

– Должна, – просто сказал он, и мне стало полегче от наступившей конкретики. – Только не сейчас, чуть попозже расплатишься, – очень странно закончил фразу, не сводя с меня взгляда.

– Зачем позже? Позже у меня может и не быть. Давай лучше сразу. Скажи, сколько? – Я уже активно начала отсчитывать деньги, но меня прервал вырвавшийся громкий смех Жданова.

Парень положил свою большую ладонь на мои холодные трясущиеся пальцы и сжал их, не давая мне продолжить счёт.

– Иди домой, Лисичка, счёты успеем свести. Никаких денег мне от тебя не надо. Давай, а то бабушка волноваться будет. – Он кивнул подбородком в сторону квартиры, как бы загоняя меня внутрь. – Спокойной ночи!

– Хорошо, – согласилась я, не понимая, чем я могу быть для него полезна, если он не хочет брать деньги. Но если по-

требуется, то я обязательно окажу ему ответную услугу. – Спасибо тебе большое! И Паше передай мою благодарность!

Он ничего не ответил, подмигнул и начал спускаться вниз.

Глава 5

Вероника

Первое сентября, когда ты одиннадцатиклассница, проходит немного странно. Вроде ты уже взрослая, и линейки за предыдущие десять лет надоели, и все слова учителей уже предсказуемы и заезжены. Но ты всё равно встаёшь рано утром, укладываешь свои буйные волосы, наносишь макияж, надеваешь тщательно выбранный накануне наряд и с трепетом спешишь в школу, чтобы увидеть одноклассников, которых не видела всё лето, и любимых учителей, с которыми скоро расстанешься, и в последний раз послушать песню «Учат в школе».

Сегодня на мне была простая белая хлопковая рубашка по фигуре и чёрная плиссированная юбка. На ногах балетки. А волосы удерживал широкий ободок. Я торопилась вниз, потому что к моему подъезду по нашей устоявшейся традиции должны были подойти Лиза и Светка; так как мой дом был ближе всего к школе, мы собирались у меня, а дальше уже шли втроём. Сбежав на первый этаж, я замерла на последней ступеньке. Дверь в подъезд была настежь распахнута, поэтому обзор во двор открывался прекрасный. Во дворе курил Жданов, как всегда, с наслаждением поднося сигарету к красивым губам и глубоко втягивая густой дым. А рядом с ним стояла Лиза. В бесстыже короткой узкой юбке и рубаш-

ке с расстёгнутыми верхними пуговицами. Она смотрела на Лёшу с нескрываемым желанием. Это когда даже говорить ничего не надо: и так всем вокруг понятно, что она его хочет и предлагает себя.

Лизка что-то спросила у парня, и он протянул ей пачку сигарет. Нимфетка вытащила одну и эротично вставила в рот, слегка сжав губами. Лёша поднёс к её лицу зажигалку и подкурил сигарету. Лиза затянулась и что-то сказала, Лёша засмеялся. Я стояла и стеснялась нарушить их общение. Они выглядели очень взрослыми, на своей волне. Я в эту компанию не вписывалась. Но мы уже опаздывали на линейку, поэтому я взяла себя в руки и пошла к выходу. В этот момент Жданов наклонился к уху подруги и начал что-то говорить, она притиснулась к нему ближе, почти касаясь своей грудью. Когда я вышла на улицу, Лёша взметнул на меня глаза, не спеша закончил фразу и выпрямился. Лиза, как будто застигнутая врасплох, резко повернулась, и я увидела смятение в глазах и румянец на её щеках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.